

Глава 11 Шестой год Шэньчу

Одинокая лодка на холодной реке

На следующий день, после того как мать А-Лай заснула, А-Лай попыталась покинуть поместье, но была остановлена привратниками, которые сказали, что это приказ господина Се. А-Лай пыталась объяснить, что ей нужно выйти забрать заранее заказанные цветочные горшки, и у неё есть работа. Несмотря на её настойчивые попытки, они оставались непреклонны. А-Лай, не тратя больше на них слов, вернулась в свою комнату, проверила, спит ли ещё мать, затем тихо открыла окно и вылезла. Сделала несколько быстрых шагов и беззвучно легко перемахнула через высокие стены имения Се.

Неся с собой серебряный слиток, А-Лай осторожно осматривалась на каждом углу переулка, настороженная к беженцам.

Сквозь пыль и отчаяние виднелась нескончаемая вереница людей, чьи запястья врезались в жгучую пеньковую бечёвку, а солдаты держали длинные копья, нацеленные им в спины. Один неспешный шаг и острые наконечники копий вонзятся в плоть.

А-Лай услышала, как ведущий всадник направлял пехоту разделить беженцев и отвести их в уездные города на восточной и западной сторонах. Он держал список знатных семей внутри Цисяня и соседних районов. Эти семьи будут вынуждены принять определённое количество беженцев и предоставить необходимое зерно для их пропитания, подробно изложенное в списке.

Казалось, стратегия включения уже начала претворяться в жизнь, и А-Лай почувствовала лёгкое облегчение. Цисянь, казалось, возвращал свою прежнюю мирную жизнь. Однако она задавалась вопросом, как долго этот мир продлится. Беженцы всё ещё прибывали за пределами города, а внутри было много тех, кому некуда было идти. Как только ворота Цисяня откроются, может быть трудно закрыть их снова.

Тень, отброшенная беспорядками беженцев, постепенно рассеивалась, и некогда опустевший рынок снова начал оживать.

А-Лай бродила по рынку и выбрала для матери толстую меховую накидку и пару наколенников. Она подумала, что ей стоит купить что-нибудь и для А-Сюнь. На этот раз, благодаря смелому вмешательству А-Сюнь, она и её мать остались в безопасности.

Но А-Сюнь ни в чём не нуждалась. Что же ей купить? А-Лай обошла рынок и наконец остановилась на паре овчинных перчаток. Она примерила их, кожа была мягкой и нежной, лишь немного великовата для её рук, что означало, что они идеально подойдут А-Сюнь. Руки А-Сюнь покрылись мозолями за годы тренировок боевым искусством, и с холодом и морозом эти перчатки будут самым практичным подарком.

Как раз когда А-Лай собиралась заплатить, она увидела на соседнем прилавке шпильку, которую давно хотела. Хотя она была всего лишь служанкой, она тоже мечтала о дне, когда мать лично уложит ей волосы и украсит их шпилькой на церемонии совершеннолетия. А-Лай долго смотрела на шпильку, и торговец с энтузиазмом пригласил её примерить. А-Лай покачала головой, но торговец фыркнул, сказав:

- А что такого в примерке? Примерка же бесплатна!

Она слишком хорошо знала уловки торговцев. Действительно, примерка бесплатна, но как

только шпилька окажется у неё в волосах, торговец несомненно осыплет её похвалами, пытаясь всеми способами заставить купить. Если она откажется и снимет её, ей наверняка придётся столкнуться с презрением или даже оскорблениями. Шпилька была недешёвой, и если бы она её купила, у неё не осталось бы достаточно денег, чтобы купить перчатки для А-Сюнь.

А-Лай быстро отвела взгляд, поспешно заплатила за перчатки и ушла.

Меховая накидка, наколенники и перчатки были отличного качества, и после их покупки крупный серебряный слиток, был почти полностью потрачен.

Рынок в Цисяне был настолько мал, что по дороге домой она снова наткнулась на Сяо Цзю.

Сегодня, как обычно, Сяо Цзю одна управляла своей тележкой. Она сказала, что последовала совету А-Лай и не решалась выходить, таким образом избежав самых хаотичных дней в городе и сохранив себе жизнь. Она провела несколько дней дома, размалывая муку, и приготовила более сотни паровых булочек. Сегодня её дела шли так хорошо, что она была немного перегружена.

- Сестра А-Лай, мне правда нужно тебя поблагодарить. Если бы не серебряный слиток, который ты мне дала, у меня не было бы денег, чтобы нанять лекаря на дом. Своевременное лечение, которое лекарь оказал моему отцу и матери, сильно помогло. Врач выписал лекарства и сказал, что с ногой отца всё в порядке, при регулярной смене лекарств и месяце отдыха он снова сможет ходить. После нескольких доз лекарства кашель матери также значительно уменьшился. Лекарь предсказывает, что она должна полностью выздороветь до конца зимы. - Глаза Сяо Цзю наполнились слезами, пока она говорила. - Наша семья не дожидаясь до сегодняшнего дня без тебя, сестра. Я... я даже не знаю, как тебя отблагодарить.

А-Лай рассмеялась:

- Почему ты плачешь, когда так говоришь? Тебе не нужно меня благодарить. Пока ты хорошо заботишься о своей семье, я буду спокойна.

Сяо Цзю энергично кивнула:

- Я всё обдумала. Как только они все поправятся, вся наша семья вместе раскопает ещё несколько акров земли. Пока налоги ещё низкие, мы накопим больше семейных сбережений и сделаем наши дни ещё лучше и лучше! Когда в следующем году придёт осенний урожай, я обязательно принесу несколько мешков белого риса тебе домой, сестра!

А-Лай смеясь согласилась, чувствуя внутреннее тепло, видя её такой полной энергии.

Было ещё рано, поэтому А-Лай осталась у прилавка с паровыми булочками, чтобы немного помочь. Сяо Цзю собирала деньги, пока она упаковывала булочки. Менее чем за полчаса они продали больше половины булочек.

Двое мужчин подошли купить булочек, и пока А-Лай их упаковывала, она услышала, как они говорят, что инспектор арестовал Сунь Минъи и что сегодня его будут сопровождать в столицу.

Услышав имя Сунь Минъи, А-Лай чутко насторожила уши.

- Почему? Из-за бунта беженцев? Но разве это не вызвано молодым господином из семьи Се? Все говорят, что это он использовал жетон префекта, чтобы приказать Сунь Минъи открыть

городские ворота. Как же получилось, что страдает Сунь Минъи?

– Тсс, потише. Сунь Минъи всего лишь низкоранговый чиновник седьмого ранга, как он может бороться против семьи Се? Суйчуань вотчина семьи Се, а главная ветвь семьи Се в Дунчуне ещё более могущественна, с множеством высокопоставленных чиновников при дворе. Даже инспектор должен проявлять к ним уважение. На этот раз Сунь Минъи действительно не повезло, что такое случилось. Но он тоже проницателен, зная, что великая беда неминуема, он заранее отослал жену и детей, распустил слуг и подчинённых и остался один, чтобы принять вину. Он действительно крепкий парень.

– Тьфу! Семья Се действительно бесстыдная! Осмеливаются делать дела, но не осмеливаются брать ответственность!

– Кто бы не сказал того же? Вся семья сборище бездельников.

Двое так увлеклись критикой семьи Се, что почти забыли забрать свои булочки. Сяо Цзю притворилась, что не слышит, но для А-Лай каждое слово пронзало её сердце, развеивая её прежнее хорошее настроение.

А-Лай знала, что чиновник Сунь был честным и усердным чиновником, заботящимся о тяготах народа, и он всегда был любим народом Цисяня. Он считался одним из немногих некоррупцированных чиновников в Суйчуане. Чего она не ожидала, так это того, что господин Се, часто проповедовавший о «честности и праведности», в итоге позволил Сунь Минъи принять вину. В конце концов, у господина Се был только один законный сын, Се Суйшань, и в его глазах десять Сунь Минъи, вероятно, не могли сравниться с одним волоском Се Суйшаня.

Покинув прилавок с паровыми булочками Сяо Цзю, озадаченная А-Лай не вернулась прямо в поместье Се. Вместо этого она пошла против холодного ветра и серого снега к берегу городской реки.

Вода городской реки текла из реки Ланьчжан на западе Суйчуаня. Река Ланьчжан простиралась более чем на пять тысяч ли, пересекая четыре крупных региона и уезды Суйчуаня и Дунчуня, в конечном итоге впадая в главную реку Великой Юй. Говорят, что исток реки Ланьчжан находится у подножия заснеженной горы, где резко меняются четыре времени года, с резкими перепадами температур между летом и зимой. Густой лёд и снег, накопленные зимой, тают под летним солнцем, образуя реку Ланьчжан. Название «Ланьчжан» также является иностранным и означает «снег родины».

Как бы далеко она ни текла в чужую страну, она всегда знает, откуда пришла.

А-Лай пнула камешки и села на землю. Дикая трава вокруг давно промёрзла до серо-черного цвета, кора на стволах деревьев обледенела и отвалилась, и зловещий холодный воздух поднимался с поверхности реки, тонкие льдины проплывали издалека.

Когда она была одна, А-Лай наконец обнажила заботы, похороненные глубоко в её сердце.

На протяжении двенадцати лет Се Тайхан никогда не признавал А-Лай своей дочерью, он даже не удостоивал её взглядом при случайных встречах. А-Лай на самом деле не волновало, признает её господин Се или нет, пока она и её мать могли жить мирно. Она не жаждала никакого статуса или богатства от семьи Се. В её сердце единственным, кто был к ним добр, ничего не ожидая взамен, был честный садовник, который уже скончался, именно он был её настоящим отцом.

На этот раз она и её мать подверглись угрозам со стороны Се Суйшаня и Шестой Юной Госпожи. Если бы не А-Сюнь и господин Се, пришедшие к ним на помощь, их трупы, вероятно, уже были бы выброшены в заброшенную общую могилу в глуши. Хотя она была благодарна за спасение жизни, тем не менее, А-Лай не могла не почувствовать некоторое недоумение.

Господин Се всегда игнорировал её и её мать, даже позволяя слугам в поместье издеваться над ними. Даже когда её мать была тяжело больна, и она умоляла и билась головой до крови, он не разрешил лекарю осмотреть её мать. Так почему же он внезапно изменил своё отношение и спас их? А-Лай не могла поверить, что в сердце господина Се есть хоть капля семейной привязанности. В конце концов, она собственными глазами видела его годы холодности и презрения, и она давно разочаровалась в безразличии и жестокости своего биологического отца. Она боялась, что этот внезапный акт щедрости имел скрытые мотивы.

А-Лай вспомнила день, когда пропала Четвёртая тётушка. После безуспешных поисков повсюду она вернулась в поместье Се только для того, чтобы увидеть господина Юньмэна, обсуждающего что-то с её матерью. Услышав о пропаже Четвёртой тётушки, её мать немедленно согласилась на просьбу господина Юньмэна.

О чём просил господин Юньмэн? О чём он и её мать договаривались?

Её мать была всего лишь хромой служанкой в поместье Се, а она была лишь незаконнорождённым ребёнком, непризнанным господином Се. Они жили не более чем в ветхом доме и владели лишь несколькими старыми одеждами. А-Лай не могла понять, что у них было такого, что могло заинтересовать господина Юньмэна, и что могло стоить того, чтобы господин Се, всегда такой холодный и бесчувственный, пощадил их жизни.

Единственное - это прошлое её матери.

С детства она знала, что прошлое её матери было непростым и часто противоречивым, но мать никогда ни слова об этом не говорила, явно не желая упоминать об этом. Для неё важна была сама мать, а не её прошлое. Если бы не смерть Четвёртой тётушки на этот раз, её мать, вероятно, не уступила бы просьбе господина Юньмэна. Было очевидно, что её мать была втянута в это из-за неё.

А-Лай почувствовала сожаление и стыд в своём сердце. Если бы она знала, что это произойдёт, даже если бы Четвёртая тётушка била или ругала её, она никогда бы не оставила её. Но теперь уже было слишком поздно что-либо говорить.

Если они продолжат оставаться в доме Се, она боялась, что она и её мать никогда не будут жить мирной жизнью. Ей нужно было найти способ избавиться и от господина Юньмэна, и от господина Се.

А-Лай поняла направление, в котором ей нужно двигаться. Но она и её мать обе были рабынями, и в эти смутные времена, с конфликтами повсюду, как они могли безопасно выпутаться?

Страдание, замешательство и сомнения в своём происхождении и непризнании причиняли молодой А-Лай сильную боль. Если бы это было возможно, она не хотела бы родиться в семье Се или иметь что-либо общее с Се Тайханом. Но А-Сюнь была такой чистой и доброй, что ей не хотелось уходить...

Глубоко задумавшись, А-Лай внезапно услышала глубокий музыкальный звук. Она подняла глаза и увидела маленькую лодку, рассекающую тонкий лёд и разгоняющую холод,

приближающуюся издалека.

Хотя на лодке не было опознавательных знаков, а молодой человек, управляющий ей, носил простую одежду из грубой ткани, его прямая осанка и пронзительный взгляд излучали сияющую твёрдость, явно указывая, что он был не простым рыбаком, а солдатом под прикрытием.

Музыка, исполняемая человеком на лодке, имела глубокий, резонирующий тон и печальную, героическую мелодию, бьющую прямо в её сердце и идеально резонирующую с её текущими эмоциями. Слушая, она не могла не встать, и после того как музыка закончилась, она почувствовала затяжное чувство привязанности и не могла не проронить слезу.

Она была так очарована музыкой, что не заметила, как маленькая лодка вот-вот проплывёт мимо неё, и А-Лай поспешно встала и крикнула в направлении лодки:

- Пожалуйста, остановитесь! Прошу вас!

Берег реки был пуст, и молодой человек на лодке услышал её зов и повернулся, чтобы с недоумением посмотреть на неё.

- Простите мою дерзость, я была совершенно очарована изысканной музыкой, доносящейся с лодки, и, сама того не заметив, погрузилась в раздумья о собственной жизни. Никогда не думала, что в мире может существовать столь необыкновенная мелодия. Не могли бы вы спросить у своего господина название этой мелодии?

Молодой человек, казалось, удивился, что этот плохо одетый ребенок-слуга может говорить так красноречиво. Он не ответил, но вместо этого отодвинул занавесь палкой и вошёл в каюту.

Когда музыка остановилась, внутри каюты раздался тихий разговор, и А-Лай ждала с волнением.

Вскоре молодой человек вышел обратно и сказал А-Лай:

- Мой господин говорит, что берег реки сырой и холодный, и оставаться здесь надолго не стоит. Юная барышня, пожалуйста, зайдите внутрь, чтобы поговорить.

<http://bllate.org/book/17227/1612199>